

УДК 801.6

Серебрякова Светлана Васильевна

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В РАССКАЗАХ ЮДИТ ГЕРМАНН

Статья посвящена изучению способов текстовой реализации категории отрицания, выявлению коммуникативно-прагматического потенциала отрицаний различного статуса в рассказе современной немецкой писательницы Юдит Германн «Ничего кроме призраков».

Ключевые слова: категория отрицания, отрицательное высказывание, структурно-семантические особенности отрицания, модальный оператор, прагматические функции отрицаний, полифункциональность отрицаний, интерпретирующий потенциал заглавия, концептуальная значимость отрицания.

Serebriakova Svetlana V.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF NEGATION CONCEPT IN SHORT STORIES BY JUDITH HERMANN

The article is devoted to the text realization means study of the negation category and finding out the communicative-pragmatic potential of different status negations in the short story «Nichts als Gespenster» by Judith Hermann, the modern German writer.

Key words: negation category, negative statement, structural-semantic peculiarities of negation, modal operator, pragmatic functions of negations, poly-functionality of negations, the interpretation potential of the title, the conceptual meaningfulness of negation.

Отрицание как одна из базовых категорий речемыслительной деятельности человека отличается разнообразием форм и способов реализации как в системе одного языка, так и, тем более, в родственных и разнотипных языках. В философии отрицание трактуется как «необходимый момент развития, условие качественного изменения объекта» [10, с. 455], обеспечивающее в творческом плане преемственность нового знания с предшествующим, старым. Если логико-философские основания данного универсального феномена акцентируют внимание на определенном типе отношений между двумя последовательными стадиями, а также на истинности/ложности высказывания, то языковое отрицание более объемно по охвату различных сущностей и более богато по палитре способов реализации в разных типах дискурса. В лингвистике подчеркивается универсальный характер отрицания: это «одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [3, с. 354]. При написании данной статьи мы ставили цель установить специфику языковой и текстовой объективации и определить концептуальную значимость категории отрицания в художественном мире современной немецкой писательницы Юдит Германн, признанного мастера психологической прозы. Материалом для исследовательского наблюдения послужил рассказ «Nichts als Gespenster» [13].

Лингвисты отмечают различные структурно-семантические особенности отрицания и его функциональные характеристики. А. Мустайоки, относя отрицание к основным спецификаторам, говорит об общем и частном отрицании. Под спецификатором понимается при этом «дополнительный семантический элемент, характеризующий актанта или предикат семантической структуры либо положение дел в целом» [4, с. 153]. Н. Д. Арутюнова определяет отрицание, «аннулирующее отнесенность предиката к субъекту и снимающее эту связь», как модальный

оператор, отмечая возможность его преобразования в модификатор семантический, приобретающий способность вносить в семантику предиката оппозитивный признак [1, с. 832]. Изучая глубинные структуры отрицательных предложений, Е. В. Падучева разграничивает семантически общеотрицательные и семантически частноотрицательные предложения [6, с. 145], маркируя тем самым разные сферы действия отрицания, обусловленные интенцией коммуниканта (фразовое и присловное виды отрицания). С другой стороны, принято говорить о нейтральном (для выражения эмоций и оценочного отношения говорящего) и противопоставительном отрицании, выполняющем преимущественно функции риторического характера [7, с. 180].

При рассмотрении прагматических аспектов отрицания акцент делается на таких понятиях, как пресуппозиция (отрицание модифицирует значение высказывания, но не меняет его пресуппозицию), речевые акты (РА отрицания при наличии утвердительной базы референции, т.е. отрицательное речевое действие как реакция говорящего на уже использованные РА – утверждения, вопроса, просьбы и др.), импликатуры (косвенные способы выражения отрицания). Иными словами, категория отрицания может быть реализована как эксплицитно, так и имплицитно. Посредством отрицания маркируются три основные потребности человека: сообщить о противоречии или отказе от чего-либо; выявить сходства и противоречия; приобрести когнитивный опыт в отношении того, что для личности на данный момент не актуально. У. Энгель выделяет четыре прагматические функции высказываний с отрицанием: отклонение, оспаривание, исключение, осуждение чего-либо, кого-либо [12], свидетельствующие о логико-семантической взаимосвязи отрицания и утверждения. Исследуя концептуальные основы отрицания в языковой системе, Н. Н. Болдырев отмечает сложность, многоплановость и полифункциональность отрицания как универсальной концептуальной единицы языка. Ввиду отсутствия референции у языковых средств отрицания адресант наделяет его определенным содержанием во взаимодействии с другими концептами [2, с. 337].

Согласно психолингвистическим данным, восприятие и когнитивно-дискурсивная обработка отрицательных высказываний требуют как больших интеллектуальных усилий адресанта, так и больших интерпретационных усилий адресата, чем кодирование/декодирование соотносимых с ними утвердительных [11]. Отмечаемая лингвистами вторичность отрицательных суждений не уменьшает, а увеличивает их прагматическую нагруженность, особенно в сочетании отрицания с контрастом [1, с. 666–667], что подтверждается и нашими наблюдениями. В наибольшей мере это относится к текстам, чрезмерно насыщенным различными типами предложений, конструкций и лексических единиц отрицательной семантики, усложняющими и зачастую размывающими семантическое пространство и формирование концепта произведения ввиду того, что отрицательные предложения менее информативны, чем утвердительные, так что в некоторых случаях их чрезмерное использование приводит к нарушению максимы количества. Именно к такому типу текстов относится рассматриваемый рассказ Юдит Германн «Nichts als Gespenster», название которого содержит неопределенное отрицание. Интерпретирующий потенциал заглавия, актуализирующего в сильной позиции все текстовые категории [8, с. 168], по особому раскрывает авторский замысел, представляя собой первую интерпретацию произведения, предлагаемую читателю автором [5, с. 170].

Можно утверждать, что название выступает в качестве вполне самостоятельного концепта, несущего информацию, способную предопределить читательскую рецепцию. Обратимся на первом этапе анализа к лингвопереводческой интерпретации заголовка рассматриваемого рассказа – «Nichts als Gespenster». Неопределенное местоимение *nichts* исконно является формой Р.п. ед.ч. (mhd. *nihtes*), которая сформировалась как усиление отрицания: mhd. *nihtes niht* = *nichts von nichts* (Duden Universal). В толковом словаре Лонгмана приводится следующая информация: *Nichts als ...!* – разгов. *nichts* = *nur*, что дает основание предложить переводческую трактовку данного заглавия без участия отрицания, т.е. посредством антонимического перевода: только призраки или сплошные призраки (ср.: *Nichts, n, nur* Sg.; *ein Nichts* – *eine Person oder eine Sache, die überhaupt nicht wichtig sind*). Однако утрата при переводческой интерпретации негативного компонента заглавия, семантика которого актуализируется на различных языковых

уровнях во всем текстовом пространстве с целью эксплицировать мироощущения главной героини, является прагматически неоправданной, поэтому в качестве переводческого толкования заглавия считаем возможным предложить вариант «Ничего кроме призраков».

Значимой для понимания глубинных смыслов рассказа является и включенная в его название полнозначная лексическая единица *Gespenster*, мн. ч. от существительного среднего рода *Gespenst*, восходящего к свн. *Gespenste* в значении *Verlockung*, (*teuflisches*) *Trugbild*, синонимом которого может выступать существительное *Geist*, которое и реализуется в тексте посредством многочисленных повторов, обнаруживая более сложную семантическую структуру, чем заглавная номинация. Концептуально значимым для данного текста является устойчивое сочетание *Geister sehen*, ибо его значения *Dinge sehen, die gar nicht da sind; unbegründet Angst haben, sich unnötige Sorgen machen*, содержащиеся сему отрицания, составляют основу ассоциативно-вербальной сети рассказа.

В заглавии, понимаемом как имя собственное манифестируемого текстом произведения, могут быть реализованы три важнейшие интенции: референтная – соотнесенность текста с художественным миром, с внешним хронотопом бытия героя или с самим героем (внутренним хронотопом); креативная – соотнесенность текста с творческой волей автора как организатора некоторого коммуникативного события; рецептивная – соотнесенность текста с сотворческим сопереживанием читателя как потенциального реализатора этого коммуникативного события [9, с. 116]. В нашем случае доминирующей является креативная интенция заглавия, приобретающего оценочный оттенок, его авторскую интерпретационность вряд ли можно считать достаточно явной. Данное заглавие является не только многозначным, но и многофункциональным. Его семантический радиус способствует экспликации сквозной темы текста – отрицательно-оценочного вектора воспоминаний героини о путешествии по Америке ввиду отсутствия взаимопонимания между нею и ее другом, выраженного множественными отрицательными единицами и структурами, модальными словами неопределенной семантики, конструкциями сослагательного наклонения.

Методом сплошной выборки установлено прагматически релевантное разнообразие средств реализации категории отрицания в рассматриваемом рассказе, охватывающих все уровни языковой системы, в том числе и паралингвистические. Эксплицитно отрицание выражается такими специальными лексическими средствами, как *nein* со статусом предложения, наречные слова *nicht, nie(mals), nirgendwo, keinesfalls*, неопределенные местоимения типа *nichts, niemand, keiner*, выступающие в функции артикля *kein, keinerlei*, парные союзы *weder ... noch, nicht ... sondern*, союзные сочетания *ohne dass, ohne zu*, предлоги *ohne, außer*, а также приставки *un-, nicht-, ent-* и суффиксы *-los, -frei* на морфологическом уровне. Разнообразие и большое количество средств языковой объективации отрицания можно считать свидетельством различных способов и возможностей модификации значения и прагматики как слова/словосочетания, так и целого высказывания, что особенно релевантно для психологического повествования. В рассказе Юдит Германн широкая палитра и полифункциональность отрицаний являются стилистически отмеченными. Как показал анализ, отрицательные предложения не являются в преобладающем большинстве случаев производными от утвердительных, напротив, они часто лишены всяческой связи с предшествующими утвердительными высказываниями, т. е. слабо референтны. По нашему мнению, отрицательные высказывания, отличающиеся слабой информативностью, являются концептуально значимым средством выражения реакции героини на неопределенность бытия и своих отношений, на неупорядоченность и смятение мыслей, на отсутствие взаимопонимания, на неисполнение ожиданий и иллюзорность надежд.

Особым прагматическим потенциалом обладает в данном рассказе семантика неопределенности, выраженная в первую очередь неопределенными отрицательными местоимениями (с явным преобладанием *nichts, niemand* как маркеров одушевленности/неодушевленности) и наречными словами *nicht, nie*, коммуникативно-прагматическая заданность которых усиливается посредством текстового контрастного, в основном, контактного взаимодействия с неопределенными местоимениями положительной семантики (*etwas, irgend etwas, irgendein, jemand, irgend jemand, irgendwann*), что обеспечивает создание антитетически организованных контекстов, в том числе оксюморонного и градационного характера: *irgendetwas – nichts, nichts zu sagen – etwas zu sagen, alles aus dem Nichts, unbedingt – nicht unbedingt, nichts – so etwas wie*

Liebe, nicht schlecht, aber doch seltsam, nicht kühl, sondern eiskalt. Наше исследование подтверждает вывод Н. Д. Арутюновой, что «контрастивное отрицание может также раскрывать мотивы выбора слов, создавать для него смысловой фон и даже формировать новый смысл» [1, с. 667]. Прагматически значимым можно считать часто наблюдаемое усиление/ослабление отрицательного признака: *gar nicht, gar keine, kein einziges Mal, wirklich niemals, nie in seinem Leben, überhaupt nicht / nicht ganz, nicht genau, nicht mehr sicher, nicht mehr wirklich*.

Экспрессивность повествования усиливает также парцелляция отрицательных компонентов, способствующая конкретизации мироощущений героини, к которой она все время стремится с целью обретения уверенности в своих чувствах и, как следствие, в завтрашнем дне. В качестве примера можно привести следующий контекст: *...so, als hätte in Austin, Nevada, alles eine Bedeutung gehabt, aber so ist es nicht gewesen, nicht ganz* [13, с. 202]. Отрицание в зарамочной позиции выполняет функцию оценочного смягчения восприятия событий во время путешествия и реализует попытку героини разобраться в своих чувствах и ощущениях.

В рассказе от имени автора повествуется о молодой женщине, которая погружена в воспоминания о том, как она с другом пересекла пустыню на пути от восточного к западному побережью Америки какое-то (тоже неопределенное) время назад. Эти воспоминания касаются в большей мере ощущений и эмоций героини, чем каких-то конкретных событий во время путешествия по пустыне. Лексема *Wüste* (пустыня) на глубинном когнитивном уровне и в границах данного текста также обнаруживает имплицитную сему отрицания (отсутствие растительности, воды и, соответственно, какого-либо комфорта). Впечатления героини, речевая партия которой часто представлена в форме внутренней и несобственно-прямой речи, размыты, что подтверждается использованием различных типов отрицательных конструкций с глаголами-когнитивами: *sie könne sich nicht mehr richtig daran erinnern; von all dem wisse sie nichts mehr; Ellen weiß nicht mehr; ihr war nichts mehr eingefallen; sie war sich nicht sicher*. Поэтому в качестве обобщающего вывода автор уже на первой странице рассказа заключает, используя градацию отрицательного признака, усиливаемого ирреальными грамматическими конструкциями и темпоральными наречиями: *Als wäre diese Reise eigentlich nicht gewesen, als wären sie und Felix nicht gewesen. Zuvor nicht und später auch nicht, gar nicht*. Ключевой для семантизации заданного здесь смысла является лексема с отрицательной приставкой *unwirklich*, концептуальная значимость которой обеспечивается такими повторяющимися во всем текстовом пространстве рассказа единицами, как *scheinen, nichts sehen, zweifeln, sinnlos suchen nach irgend etwas, so ist es nicht gewesen; Amerika existierte nicht, nicht wirklich*.

Кроме того, семантика отрицания может быть выражена также имплицитно в комбинации с компонентами категорий модальности и оценочности, как, например, посредством грамматических форм ирреальности, конструкций избыточной семантики, фразеологизмов. Характерным для данного рассказа является использование форм сослагательного наклонения для оформления косвенной речи героини, с одной стороны, и выражения нереальности и неопределенности описываемого события, с другой.

В заключение можно констатировать, что значительное количество отрицаний и отрицательных конструкций, их контактное скопление и дистантное взаимодействие в сильных позициях текста свидетельствуют об отрицательно-оценочной субъективной реальности героини, о дезоптимизации не только ее общения с близким человеком, но и о дисгармонии с самой собой. Для данного рассказа характерна ретроспективная направленность отрицания, различные текстовые реализации которого обращены к прошлому опыту героини. Выявленная множественность реализации отрицаний, их повторы и парцелляции, в том числе и двойные, градация и интенсификация отрицательного признака посредством их последовательного использования и скопления, полинегативность высказываний можно считать свидетельством высокого коммуникативно-прагматического потенциала и текстообразующей функции категории отрицания в рассматриваемом рассказе Ю. Германн.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальные основы отрицания в языке // Филология и культура: Материалы IV Межд. науч. конф. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 334–338.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
5. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
6. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2007. 296 с.
7. Риторика монолога / под ред. А. И. Варшавской. СПб.: Химера трейд, 2002. 340 с.
8. Серебряков А. А., Серебрякова С. В. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013 № 1 (34). С. 166–172.
9. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, РГТУ, 2001. 192 с.
10. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
11. Clark H.H. Semantics and comprehension // Sebeok T. (Ed.). Current trends in linguistics. The Hague: Mouton, 1974. P. 1291–1428.
12. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 1988. 340 S.
13. Hermann Judith. Nichts als Gespenster. Erzählungen. 3. Aufl. Frankfurt/M: Fischer, 2004. S. 195–232.

УДК 81-119

Ходус Вячеслав Петрович

ОСМЫСЛЕНИЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВА В МЕТАПОЭТИКЕ А. П. ЧЕХОВА

В статье представлен анализ метапоэтики А. П. Чехова, выявляются корреляции драмы и пьесы, определяющие ключевые понятия метапоэтического дискурса, рассмотрение которых дает возможность раскрыть интенции автора при построении драматического текста.

Ключевые слова: метапоэтика, метапоэтический дискурс, драма, пьеса, семиотика.

Khodus Viacheslav P.

REFLECTION ON THE DRAMATIC ACT IN METAPOETHICS OF A. P. CHEKHOV

This article gives an analysis of metapoethics of A. P. Chekhov, the correlations of drama and play are revealed and determine the key lexemes of metapoetical discourse, and it gives us an opportunity to disclose the intentions of the author concerning the creation of a dramatic text.

Key words: metapoetics, metapoetical discourse, drama, play, semiotics.

Метапоэтика драматического текста А. П. Чехова — уникальное и значимое явление не только в русском, но и мировом драматургическом и театральном творчестве. Большое внимание писатель уделяет анализу языка произведений. Он не терпит того, чтобы герои говорили театральным, искусственным, иногда «ерническим» языком. При этом речь сценическая и речь в жизни — не одно и то же. Иногда Чехов говорит об индивидуализированности языка, об особенностях языка в некоторые моменты спектакля: «прощение», «обращение денщики», «разговор о питейной торговле и процентах» — все это разные ситуации, разные темы, разные люди, и говорить об этом нужно по-разному, исходя из сценической условности, но поверяя ее соответствием жизни.